„НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ"

Д-р. ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПСИХОЛОГИЯ СНА

Кн-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ"
Н. А. Столляр — Москва 1924

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА „СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ"

З. ФРЕЙД

ПРОФЕССОР ВЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

135
Ор 86

ПСИХОЛОГИЯ СНА

Кн-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ"
Н. А. СТОЛЛЯР — Москва 1924

Отпечатано в 3-й типографии «Мосполиграф» Мал. Грузинская, Охотничий пер., дом 5/7, в количестве 2000 экземпл.
Главлит № 18670.

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY BERLIN

I.

Во времена, которые мы могли бы назвать преднаучными, люди не затруднялись в толковании сновидений. Вспоминая по пробуждении свой сон, они смотрели на него как на хорошее или дурное предзнаменование со стороны высших божественных или демонических сил. С расцветом естественно-научного мышления вся эта остроумная мифология превратилась в психологию, и в настоящее время лишь весьма немногие из образованных людей сомневаются в том, что сновидение является продуктом психической деятельности самого сновидящего.

Но с отпадением мифологической гипотезы сновидение стало нуждаться в объяснении. Условия возникновения сновидений, отношение последних к душевной жизни во время бодрствования, зависимость их от внешних раздражений во время сна, многие чуждые бодрствующему сознанию странности содержа-

ния сна, несовпадение между его образами и связанными с ними аффектами, наконец, быстрая смена картин в сновидении и способ их смещения, искажения и даже вытеснения из памяти наяву, — все эти и другие проблемы сна уже много сотен лет ждут удовлетворительного решения. На первом плáне стоит вопрос о значении сновидения — вопрос, имеющий двоякий смысл: во-первых, дело идет о выяснении психического значения сновидения, биологической функции его и связи его с другими душевными процессами; во-вторых, желательно знать, возможно ли толковать сновидение и имеет ли каждый элемент его содержания какой-нибудь смысл, как мы привыкли это находить в других психических актах.

В оценке сновидения можно заметить три направления. Одно из них, которое является как бы отзвуком господствовавшей прежде переоценки сна, находит себе выражение у некоторых философов, которые кладут в основу сновидения особенное состояние психики, рассматриваемое ими даже как более высокая ступень в развитии духа; так, например, Шуберт утверждает, будто сон является освобождением духа от гнета внешней природы, освобождением души из оков

чувственного мира. Другие мыслители не идут так далеко, но твердо держатся того мнения, что сновидения по существу своему проистекают от психических возбуждений, обнаруживающих наличность тех душевных сил, которые в течение дня не могут свободно проявляться. (Фантазия во сне — Шернер, Фолькельт.) Многие наблюдатели приписывают сонной психике способность к проявлению усиленной деятельности,—по крайней мере в некоторых сферах, например, в области памяти.

В противоположность этому мнению большинство авторов-врачей придерживается того взгляда, что сновидение едва ли заслуживает названия психического проявления; по их мнению, возбудителями сновидения являются исключительно раздражения органов чувств, либо приходящие к спящему извне, либо случайно возникающие в нем самом; содержание сна, следовательно, имеет не больше смысла и значения, чем, например, звуки, вызываемые десятью пальцами несведущего в музыке человека, когда они пробегают по клавишам инструмента. Сновидение, согласно этому воззрению, нужно рассматривать прямо как «телесный, во всех случаях бесполезный и во многих — болезненный процесс» (Бинц). Все особенности сонной психики объясняются

бессвязной и вынужденной (вследствие физиологических раздражений) работой отдельных органов или отдельных групп клеток погруженного в сон мозга.

Мало считаясь с этим мнением науки и не интересуясь вопросом об источниках сновидения, народная масса, повидимому, твердо верит в то, что сон все-таки имеет смысл предзнаменования, сущность которого может быть раскрыта посредством какого-либо толкования. Применяемый с этой целью метод толкования заключается в том, что воспоминаемое содержание сна заменяется другим содержанием — либо по частям на основании твердо установленного ключа, либо все содержание сна целиком заменяется каким-либо другим целым, по отношению к которому первое является символом. Серьезные люди обыкновенно смеются над этими стараниями: «сны, это — пена морская».

II.

К своему великому изумлению, я однажды сделал открытие, что ближе к истине стоит не взгляд врачей, а взгляд профанов, наполовину окутанный еще предрассудками. Дело

в том, что я пришел к новым выводам относительно сна, после того, как применил к последнему новый метод психологического исследования, оказавший уже мне большую услугу при решении вопросов о разного рода боязнях, бредовых и навязчивых идеях и проч. Многие исследователи-врачи справедливо указывали на многообразные аналогии между различными проявлениями сонной и больной психики; так что мне уже заранее представлялось небесполезным применить к объяснению сновидения тот способ исследования, который оказал услуги при анализе психопатических явлений. Навязчивые идеи и идеи страха так же чужды нормальному сознанию, как сновидения — бодрствующему; происхождение тех и других для нашего сознания одинаково непонятно. Что касается психопатических представлений, то выяснять их источник и способ возникновения побуждал нас практический интерес; опыт показал, что выяснение скрытых от сознания ассоциационных путей, связывающих болезненные идеи с остальным содержанием сознания, дает возможность овладеть навязчивыми идеями и равносильно устранению их.

Таким образом примененный мною к объяснению сновидений способ берет свое начало

в психотерапии; описать его легко, но пользоваться им можно лишь после известного навыка. Когда хотят применить этот способ к другому лицу, например, к больному, то последнему предлагают обыкновенно сосредоточить все внимание на своей болезненой идее, но не размышлять о ней, как он это часто делает, а стараться выяснять себе и сообщать тотчас врачу все без исключения мысли, которые ему приходят в голову по поводу данной идеи. Если больной станет утверждать, что его внимание ничего не может уловить, то необходимо энергично заявить, что такого рода отсутствие круга представлений совершенно невозможно. Действительно, вскоре у больного начинает всплывать ряд идей, за которыми следуют новые идеи; однако больной, производящий самонаблюдение, при этом обыкновенно заявляет, что выплывающие у него идеи не важны, не относятся к делу и пришли ему в голову совершенно случайно, без всякой связи с данной задачей.

Уже теперь можно заметить, что именно эта критика со стороны больного была причиной того, что данные идеи не высказывались и даже не сознавались им. Поэтому, если удается заставить больного отказаться от всякой критики по поводу приходящих в голову мыслей

и продолжать отмечать мысленные ряды, выплывающие при напряженном внимании, то можно получить достаточный психический материал, который явно примыкает к взятой в качестве задачи болезненной идее, обнаруживает связь последней с другими идеями и дает возможность при дальнейшем исследовании заменить болезненную идею какой-либо новой, вполне гармонирующей с остальным содержанием психики. Здесь я не могу подробно останавливаться на лежащих в основе этого опыта предпосылках и на выводах, которые можно сделать из его постоянной удачи; достаточно указать, что всегда можно получить достаточный для разрешения болезненной идеи материал, если обращать внимание именно на «нежелаемые» ассоциации, «мешающие мышлению» и отстраняемые обыкновенно самокритикой больного, как бесполезный хлам. Когда желают применить этот метод к самому себе. необходимо при исследовании немедленно записывать все приходящие случайно в голову и непонятные сначала мысли.

Теперь посмотрим, к каким результатам приводит пользование изложенным методом при исследовании сновидений. Для этого я возьму свое сновидение, краткое по содержанию и в воспоминании представляющееся мне не-

ясным и бессмысленным; содержание его, записанное мною немедленно по пробуждении, следующее: «Общество за столом или табльдотом... Едят шпинат... Г-жа Е. Л. сидит рядом со мною, вся повернувшись ко мне, и дружески кладет мне руку на колено. Я, отстраняясь, удаляю ее руку. Тогда она говорит: «А у вас всегда были такие красивые глаза...» После этого я неясно различаю как бы два глаза на рисунке или как бы контур стеклышка от очков...» Это — все сновидение или, по крайней мере, все, что я могу о нем вспомнить. Оно кажется мне неясным и бессмысленным, а больше всего странным. Г-жа Е. Л. — женщина, с которой я был просто знаком и, насколько я сознаю, близких отношений никогда не желал; я уже давно не видел ее и не думаю, чтобы в последние дни о ней шла речь. Сновидение мое не сопровождалось никакими эмоциями; размышление о нем не делает мне его более понятным.

Теперь я без определенного намерения и без всякой критики буду отмечать приходящие мне в голову мысли, выплывающие при самонаблюдении; для этого полезно разложить сновидение на элементы и отыскивать примыкающие к каждому из них мысли. Общество за столом или табльдотом.

С этим связывается воспоминание о небольшом переживании, имевшем место вчера вечером. Я ушел из маленького общества в сопровождении друга, который предложил взять карету и отвезти меня домой. «Я, — сказал он, — предпочитаю карету с таксометром; это так занимательно: всегда имеешь перед собой что-то, на что можно глядеть». Когда мы сели в карету и кучер устанавливал таксометр, так что стали видны первые шестьдесят геллеров, я продолжил его шутку: «мы только сели и уже должны ему шестьдесят геллеров». Карета с таксометром напоминает мне всегда табльдот; она делает меня скупым и эгоистичным, ибо непрестанно говорит о моем долге: мне все кажется, что долг слишком быстро растет, и я опасаюсь, как бы мне не хватило денег, подобно тому, как за табльдотом, я не могу отделаться от смешного опасения, будто я получу слишком мало, если не буду заботиться о себе. В отдаленной связи с этим я продекламировал: «Вы сами жизнь даете нам; бедного вы делаете должником».

Другая возникшая у меня мысль по поводу табльдота: несколько недель тому назад, за столом в ресторане одного тирольского горного курорта, я сердился на свою жену за

то, что она, по моему мнению, была недостаточно официальна с некоторыми соседями, с которыми я не хотел иметь ничего общего. Я просил ее интересоваться больше мною, чем посторонними. Это — все равно, *как будто мне за табльдотом не хватит*. — Теперь мне приходит в голову противоположность между поведением моей жены за столом и поведением в моем сновидении г-жи Е. Л., *которая вся повернулась ко мне*. — Далее: я замечаю, что сновидение является воспроизведением небольшой сцены, происшедшей между мной и моей женой еще до женитьбы, во время моего ухаживания за ней. Нежное пожатие руки под скатертью послужило ответом на мое письмо с серьезным предложением. Но в сновидении жена моя замещена чуждою мне г-жой Е. Л.; это — дочь одного господина, которому я был должен.

Не могу при этом не заметить, что здесь обнаруживается неожиданная связь между отрывками сновидения и приходящими мне в голову мыслями. Если следовать за цепью ассоциаций, которые вытекают из какого-либо элемента содержания сна, то можно скоро притти к другому элементу этого же содержания. Мысли, приходящие в голову по поводу сновидения, восстанавливают те связи, которые в самом сновидении не видны.

Когда кто-либо полагает, что другие станут заботиться о нем без всякой пользы для себя, разве не предлагают обыкновенно такому простаку иронический вопрос: «что же, вы думаете, что то или иное делается ради ваших прекрасных глаз?» С этой точки зрения, слова г-жи Е. Л. в сновидении — «у вас всегда были такие прекрасные глаза» — означают не что иное, как — «люди вам всегда оказывали услуги; вы все даром получали». Конечно, в действительности, всегда было наоборот: за все то хорошее, что мне делали другие, я платил дорого; но, повидимому, на меня, все-таки, произвело впечатление то обстоятельство, что мне вчера даром достались карета, в которой мой друг отвез меня домой; кроме этого, приятель, у которого мы вчера были в гостях, часто заставлял меня оставаться перед ним в долгу; лишь недавно я не воспользовался случаем отплатить ему. Между прочим, у него имеется единственный подарок от меня — античная чаша с нарисованными по краям ее глазами. Кстати, приятель этот — глазной врач; в этот же вечер я спрашивал его о пациентке, которую направил к нему для подбора очков.

Я замечаю, что почти все отрывки сновидения приведены в новую связь. Однако вполне

естественно было бы спросить, почему в сновидении на столе фигурирует именно шпинат? Дело в том, что шпинат напоминает мне маленькую сцену, происшедшую недавно за нашим семейным столом, когда мой ребенок — как раз тот, у которого, действительно, красивые глаза — отказывался есть шпинат. В детстве я точно так же вел себя: шпинат долгое время был мне противен, пока мой вкус не изменился, и зелень эта сделалась моим любимым блюдом; воспоминание о последнем сближает, следовательно, мои вкусы в детстве со вкусами моего ребенка.

«Будь доволен, что ты имеешь шпинат, — сказала мать маленькому гастроному, — есть дети, которые были бы очень рады и этому кушанью». Это течение мыслей напоминает мне об обязанностях родителей по отношению к детям, и в этой связи слога Гете: «Вы сами жизнь нам даете; бедного вы делаете должником» приобретают новый смысл.

Здесь я остановлюсь, чтобы рассмотреть полученные до сих пор результаты анализа сновидения. Следуя за ассоциациями, выплывающими непосредственно за отдельными вырванными из общей связи элементами сновидения, я пришел к ряду мыслей и воспоминаний, которые обнаруживают ценные переживания

моей душевной жизни. Этот добытый посредством анализа сновидения материал находится в тесной связи с содержанием сна, но связь эта все-таки такова, что я никогда не мог бы получить этот новый материал из самого содержания сна. Сон не сопровождался никакими эмоциями, был бессвязен и непонятен; однако, когда всплывают скрытые в сновидении мысли, я испытываю сильные и вполне обоснованные эмоции.

Мысли сами соединяются в логически-связанные ряды, в центре которых повторно появляются некоторые представления; в нашем примере такими, не выступающими в самом сне, представлениями являются: противоположение между своекорыстным и бескорыстным и между — быть должным и делать даром. В этой полученной из анализа ткани я мог бы крепче стянуть нити и показать, что последние сходятся в одном общем узле; но соображения не научного, а частного характера не позволяют мне произвести эту работу публично: дело в том, что я вынужден был бы тогда сообщить многое из того, что должно остаться моей тайной, так как при анализе своего сновидения, я уяснил себе такие факты, в которых неохотно признаюсь самому себе.

Но почему в таком случае я не изберу для анализа другой сон, чтобы анализ его мог скорее убедить в точности смысла и правильности связи полученного из него материала? На это можно ответить, что каждый сон, которым я займусь, неизбежно приведет меня к тем же неохотно сообщаемым фактам и побудит к такому же умалчиванию. Этого затруднения я не избежал бы также и в том случае, если бы стал анализировать сновидение другого лица; разве только обстоятельства позволили бы отбросить всякие умалчивания без вреда для доверяющегося мне лица.

Уже теперь приходит в голову идея, что сновидение является как бы заменой того богатого чувствами и содержанием хода мыслей, к которому мы пришли после анализа. Я еще не знаю процесса, путем которого из этих мыслей возникло данное сновидение, но я вижу, что неправильно рассматривать это сновидение, как чисто-телесное, психически лишенное всякого значения явление, возникшее будто бы благодаря изолированной деятельности отдельных групп клеток спящего мозга. Кроме того, я замечаю еще две вещи: во-первых, содержание сна гораздо короче тех мыслей, заменой которых я его считаю, и, во-вторых, анализ обнаружил в качестве возбу-

дителя сновидения ничтожный случай, имевший место накануне вечером.

Я, конечно, не стал бы делать так далеко ведущих выводов, если бы в моем распоряжении был анализ только одного сновидения; но опыт показал мне, что, следуя без критики за ассоциациями, я при анализе любого сновидения прихожу к такому же ряду мыслей, связанных между собою по смыслу и содержащих в качестве элемента лишь часть сновидения. Вот почему не следует думать, что обнаруженная при первом анализе связь может оказаться случайным совпадением.

Теперь я считаю себя в праве фиксировать свою новую точку зрения в определенных терминах. Сновидение, как оно вспоминается мне, я противопоставляю полученному при анализе материалу и называю первое (т.-е. сновидение) явным содержанием сна, а второй (т.-е. материал) — пока без дальнейшего разграничения — скрытым содержанием сна. Теперь нам предстоит разрешить две новые задачи: 1) каков тот психический процесс, который превратил скрытое содержание сна в явное, знакомое мне по оставленному в памяти следу и 2) каков тот или те мотивы, которые вызвали такое превращение? Процесс переработки скрытого содержания сна

6194.

в явное я буду называть работой сна; противоположная этому работа, ведущая к обратному превращению, знакома уже нам как работа анализа. Остальные проблемы сна—вопрос о возбудителях сновидений, о происхождении их материала, о смысле и функции сновидений, о причинах забывания последних — все это я разберу при анализе не явного, а вновь добытого скрытого содержания сна.

Так как все встречающиеся в литературе противоречивые и неправильные взгляды на сонную психику можно объяснить незнакомством авторов с скрытым содержанием сна, которое может быть добыто только путем анализа, то я впредь, самым старательным образом, буду избегать смешения явного сновидения со скрытыми в нем мыслями.

III.

Превращение скрытых в сновидении мыслей в явное содержание сна заслуживает нашего полного внимания, как первый пример перехода одного способа выражения психического материала в другой: из способа выражения, понятного нам без всяких объяснений, в такой

способ, который становится понятным лишь с трудом и при наличности определенных указаний.

Принимая во внимание отношение скрытого содержания сна к явному, можно разделить сновидения на три категории. Во-первых, мы различаем сновидения вполне осмысленные, понятные, т.-е. допускающие без дальнейших затруднений объяснение их с точки зрения нашей нормальной душевной жизни. Таких сновидений много; они по большей части кратки, и в общем кажутся нам незаслуживающими особого внимания, так как в них отсутствует все то, что могло бы возбудить наше удивление и показаться нам странным. Между прочим, существование таких сновидений является сильным аргументом против учения, которое объясняет возникновение сновидений изолированной деятельностью отдельных групп мозговых клеток: в этих сновидениях мы не находим никаких признаков пониженной или расстроенной психической деятельности; тем не менее, мы никогда не сомневаемся в том, что имеем дело с сновидениями и не смешиваем их с продуктами бодрствующего сознания.

Другую группу образуют сновидения, которые, будучи связными и ясными по смыслу, все-таки кажутся нам странными, потому что

мы не можем связать их смысл с нашей душевной жизнью. С таким случаем мы имеем дело, когда нам, например, снится, будто какой-то близкий родственник умер от чумы, между тем как у нас нет никаких оснований ожидать, опасаться или предполагать это; мы тогда спрашиваем себя с удивлением, откуда пришла нам в голову такая идея?

Наконец, к третьей группе относятся сновидения, лишенные смысла и непонятные, т.-е. представляющиеся нам бессвязными, спутанными и бессмысленными. Подавляющее большинство продуктов нашего сна обнаруживает такой именно характер, которым объясняются и презрительное отношение к сновидениям, и врачебная теория о сужении душевной деятельности во сне; тем более, что в длинных и сложных построениях сонной психики всегда усматриваются ясные признаки бессвязности. Противоположение между явным и скрытым содержанием сна, очевидно, имеет значение только для сновидений второй и, еще более, третьей категории; здесь мы встречаемся с загадками, которые исчезают лишь после замены явного сновидения скрытыми в нем мыслями, и потому для приведенного выше анализа мы избрали в качестве примера такое именно спутанное и непонятное сновидение.

Однако против всякого ожидания, мы столкнулись с мотивами, которые помешали нам вполне ознакомиться с скрытыми в сновидении мыслями; вследствие же повторения подобных случаев и при других анализах, мы пришли к предположению, что между непонятным и спутанным характером сновидения, с одной стороны, и затруднениями при сообщении скрытых в сновидении мыслей, с другой, имеется какая-то интимная и закономерная связь. Прежде чем исследовать природу этой связи, полезно будет ознакомиться с более понятными сновидениями первой категории, в которых явное и скрытое содержание сна совпадают, т.-е. которые обходятся без работы сна.

Исследование этих сновидений полезно еще с другой точки зрения. Сновидения детей всегда имеют такой именно характер, т.-е. осмысленный и нестранный; между прочим, это обстоятельство является новым доводом против объяснения сновидения расстроенной деятельностью мозга во время сна, ибо — почему у взрослого такое понижение психических функций нужно считать характерным для сонного состояния, а у ребенка не нужно? И мы в праве ожидать, что выяснение психических процессов у ребенка, у которого они

значительно упрощены, окажется необходимой предварительной работой для ознакомления с психологией взрослого. Итак, я приведу несколько сновидений детей.

Девочку девятнадцати месяцев от роду целый день держать на диэте, так как ее утром рвало и, по словам няни, она повредила себе земляникой. Ночью после этого голодного дня няня слышала, как девочка во сне называла свое имя и при этом прибавляла: «земляника, яичко, кашу». Ей, следовательно, снится, будто она ест, и из своего меню она указывает как раз на то, что в ближайшем будущем, по ее мнению, ей мало будут давать. Подобным же образом, 22-месячному мальчику, который за день перед тем подарил своему дяде корзинку свежих вишен, отведав из них, конечно, только несколько штук, снится запрещенный плод; он пробуждается с радостным известием: «Герман (т.-е. он) съел все вишни». Трехлетняя девочка совершила днем по озеру прогулку, которая показалась ей недостаточно продолжительной, и девочка при высаживании плакала. На другое утро она рассказала, что каталась ночью по озеру, т.-е. продолжила прерванную прогулку. Пятилетний мальчик остался недоволен прогулкой пешком в окрестности горы Дахштейна; как только показыва-

лась новая гора, он осведомлялся, не Дахштейн ли это, и затем отказывался продолжать путь к водопаду. Его поведение приписывали усталости, но оно нашло лучшее объяснение; когда мальчик на следующее утро сообщил свой сон, будто он поднялся на гору Дахштейн. Очевидно, он полагал, что прогулка имеет целью подъем на Дахштейн, и потому был огорчен, когда ему не удалось увидеть желанную гору. Во сне он получил то, чего ему не дал день. Подобный же сон видела шестилетняя девочка, отец которой прервал прогулку с нею, не дойдя до намеченной цели в виду позднего времени. На обратном пути она обратила внимание на путевой столб, указывавший дорогу к другому месту прогулок, и отец пообещал повести ее туда в другой раз. На следующее утро она встретила отца с известием о том, что ей снилось, будто она была с отцом в том и другом месте.

Во всех этих детских сновидениях бросается в глаза одна общая черта: все они исполняют желания, которые днем зародились и остались неудовлетворенными; эти сновидения являются простыми и незамаскированными исполнениями желаний. Не чем иным, как исполнением желания, является и следую-

щий, на первый взгляд не совсем понятный, детский сон. Девочка, около четырех лет от роду, заболевшая детским параличем, была привезена из деревни в город; здесь она переночевала у тетки в большой — для нее, конечно, чересчур большой — кровати. На следующее утро она рассказала свой сон, будто кровать была ей слишком мала, так что ей не хватало места. Это сновидение легко объяснить с точки зрения исполнения желаний, если вспомнить, что дети часто выражают желание «быть большим». Величина кровати слишком подчеркивала маленькой гостье ее собственную величину; поэтому она во сне исправила неприятный ей контраст и сделалась такой большой, что большая кровать оказалась для нее слишком маленькой.

Если даже содержание детских сновидений усложняется и утончается, все-таки в них легко увидеть исполнение желаний. Восьмилетнему мальчику снилось, будто он с Ахиллесом ехал на колеснице, которою правил Диомед. Как оказалось, он за день перед тем увлекся чтением сказаний о греческих героях: легко доказать, что он взял этих героев за образец и сожалел, что не жил в их время.

Из этого небольшого числа сновидений выясняется второе характерное свойство детских сновидений: их связь с жизнью в течение дня. Исполняемые в сновидениях желания оставались от предыдущего дня, при чем наяву они сопровождались интенсивными эмоциями. Несущественное и безразличное или то, что кажется таковым ребенку, не находит себе места в сновидении.

Среди взрослых можно также собрать много примеров подобных сновидений детского типа, но они, как мы упоминали, большей частью кратки. Так, например, многим лицам при жажде ночью снится, будто они пьют; здесь сновидение стремится устранить раздражение и продлить сон. У других бывают часто такие удобные сновидения перед пробуждением, когда приближается время вставать; им тогда снится, что они уже встали, находятся около умывальника или уже в училище, конторе и прочее, где они должны быть в определенное время. В ночь перед поездкой куда-либо, нередко снится, будто мы уже приехали к месту назначения; перед поездкой в театр или в общество, сновидение нередко предвосхищает — как бы вследствие нетерпения — ожидаемое удовольствие. В других случаях сновидения выражают исполнение же-

ланий не в столь прямой форме; тогда, чтобы распознать скрытое желание, необходимо установить какую-нибудь связь или сделать какой-нибудь вывод, т.-е. необходимо начать работу толкования. Так, например, в случае, когда муж сообщает мне сновидение его молодой жены, будто у нее наступили менструации, надо не упускать из виду, что каждая молодая женщина при прекращении менструаций опасается беременности. В виду этого приведенное сновидение является признаком беременности, и смысл его таков, что он указывает на желание не забеременеть. Весьма нередко из длинного, сложного и в общем спутанного сновидения выделяется особенно ясно один отрывок, в котором легко можно узнать исполнение желания, но который в то же время спаян с другим непонятным материалом.

При попытке анализировать самые, повидимому, прозрачные сновидения взрослых приходится часто с удивлением констатировать, что они редко бывают такими простыми, как детские сны, и что за исполнением желания в них кроется еще другой смысл. Решение загадок сновидений было бы, конечно, простым и удовлетворительным, если бы работа анализа давала нам возможность сводить

также бессмысленные и спутанные сновидения взрослых к детскому типу исполнения какого-либо интенсивно ощущаемого желания дня. Внешние признаки, конечно, не указывают на подобную возможность: сновидения взрослых большею частью наполнены самым безразличным и посторонним материалом, который отнюдь не указывает на исполнение желаний.

Прежде чем расстаться с детскими сновидениями — этими незамаскированными исполнениями желаний — нам хотелось бы указать еще на одно, давно замеченное главное, характерное свойство сновидения, которое именно в этой группе обнаруживается в самом чистом виде. Дело в том, что каждое из этих сновидений можно заменить одним пожеланием: «Ах, если бы прогулка по озеру еще продлилась», «если бы я был уже умыт и одет», «мне бы следовало спрятать вишни вместо того, чтобы давать их дяде». Но сновидение содержит в себе больше, чем одно пожелание: последнее является во сне уже исполненным, при чем это исполнение представляется как бы реальным и совершающимся на глазах; материал сновидения состоит преимущественно, хотя и не исключительно, из ситуаций и зрительных образов. Таким образом в этой группе можно обнаружить частич-

ную переработку, которую следует считать работой сонной психики: мысль, выражающая пожелание в будущем, заменена картиной, протекающей в настоящем.

IV.

Мы склонны допускать, что и в спутанных сновидениях имеет место подобное превращение в ситуацию, хотя и нельзя знать, содержатся ли в них пожелания. Сообщенный вначале пример сновидения, в анализ которого мы несколько углубились, дает нам — по крайней мере, в двух случаях — повод предполагать нечто подобное. При анализе я встречаюсь с тем фактом, что жена моя за столом интересуется другими, причиняя мне этим неприятность; в сновидении же содержится прямо противоположная картина: женщина, заменяющая мою жену, вся поворачивается ко мне. Не дает ли неприятное переживание лучший повод к проявлению желания, чтобы дело обстояло наоборот? Это и происходит во сне. В такой же связи находится неприятная при анализе мысль, что мне ничего не доставалось даром, со словами женщины в сновидении: «у вас ведь всегда были такие кра-

сивые глаза». Таким образом противоречия между явным и скрытым содержанием сна могут быть частью сведены к исполнению желаний.

Гораздо более бросается в глаза другой результат работы сна, который ведет к возникновению бессвязных сновидений. Если сравнить на любом примере количество образов в сновидении с числом скрытых в последнем мыслей, добытых путем анализа и лишь едва обнаруживающихся в самом сновидении, то нельзя сомневаться в том, что работа сна производит прекрасную концентрацию или сгущение. Вначале трудно составить себе представление о размере этого сгущения, но оно производит тем больше впечатления, чем глубже удается проникнуть в анализ сна. Тогда нельзя найти ни одного элемента сновидения, от которого бы ассоциационные нити не расходились по трем или более направлениям, — ни одной ситуации, которая бы не была составлена из трех или более впечатлений и переживаний.

Так, например, мне приснилось, однажды нечто в роде бассейна, в котором по всем направлениям плавали купающиеся; в одном месте, на краю бассейна стоял человек, наклонившись к одному купающемуся, как бы с намерением вытащить его. Ситуация была

составлена из воспоминания об одном переживании в период возмужалости и из двух картин, одну из которых я видел незадолго перед сновидением. Картины эти изображали «Испуг в купальне» из швиндовского цикла Мелузины (см. разбегающихся купальщиц) и «Проточные воды» какого-то итальянского художника; маленькое же переживание заключалось в том, что мне пришлось однажды увидеть, как учитель плавания в купальне помогал выйти из воды одной даме, которая замешкалась до наступления назначенного для мужчин времени.

Ситуация в избранном для анализа примере вызывает у меня при анализе небольшой ряд воспоминаний, каждое из которых внесло кое-что в содержание сновидения. Прежде всего, это — маленькая сценка из периода моего ухаживания, о которой я уже говорил; имевшее тогда место рукопожатие под столом внесло в сновидение подробность «под столом», о которой я вспомнил позднее. О «поворачивании» ко мне тогда, конечно, не было речи; но из анализа я знаю, что этот элемент является исполнением желания в силу контраста и относится к поведению моей жены за табльдотом. За этим недавним воспоминанием скрывается подобная же, но более важная сцена

после нашей помолвки, которая привела даже к ссоре на целый день. Доверчивость и опускание руки на колено относится к совсем иной связи воспоминаний и к совершенно другим лицам; этот элемент сновидения становится в свою очередь исходным пунктом двух новых отдельных рядов воспоминаний и т. д.

Скрытые в сновидении мысли, соединяющиеся для образования ситуации во сне, должны, конечно, заранее быть годными для этой цели: во всех составных частях должны быть налицо один или несколько общих элементов. Сон производит такую же работу, как Франсис Гальтон при производстве своих фамильных фотографий: сон как бы накладывает друг на друга различные составные части; поэтому в общей картине на первый план отчетливо выступают общие элементы, а противоположные подробности почти взаимно уничтожаются. Такой процесс происхождения сна объясняет отчасти также и своеобразную спутанность многочисленных элементов сновидения. Исходя из этого, необходимо при толковании сновидений придерживаться следующего правила: если при анализе можно какую-нибудь неопределенность разрешить каким-либо «или-или», то при толковании нужно заменить эту альтернативу посредством «и»,

сделав каждый член ее исходным пунктом для независимого ряда вновь всплывающих мыслей.

Если между скрытыми в сновидении мыслями нет общих частей, то работа сна стремится создать их, чтобы сделать возможным общее изложение. Лучший способ сблизить две скрытые мысли, не имеющие ничего общего, заключается в изменении словесного выражения одной из них, соответственно которому изменяется и выражение другой мысли. Это — такой же процесс, как и стихосложение, при котором созвучие заменяет искомую общую часть. Большая часть работы сна заключается в создании подобных — часто очень остроумных, но часто также и натянутых—промежуточных мыслей; последние, исходя из общей картины сновидения, простираются до скрытых в сновидении мыслей, которые бывают различны по форме и содержанию и выплывают лишь при анализе сновидения.

Точно также и при анализе взятого нами сновидения мы встречаемся с подобным случаем внешнего изменения мысли для согласования ее с другою по существу чуждой ей мыслью. Так, при продолжении анализа я наталкиваюсь на следующую мысль: я хотел бы разок также получить что-нибудь даром.

Но эта форма не пригодна для общего содержания сна и потому заменяется другой формой: я хотел бы попробовать что-нибудь без расходов (kosten). Последнее слово вторым своим значением на немецком языке (отведывать) годится уже для круга идей при табльдоте и может быть применено к фигурирующему в сновидении шпинату. Когда подают на стол какое-нибудь блюдо, от которого дети отказываются, то мать пытается, конечно, сначала ласково уговорить детей: отведайте хоть немного. Конечно, нам может показаться странным, что сонная психика так ловко пользуется двойным смыслом слов; но опыт показал, что это — самое обыкновенное явление.

Сгущением образов во сне объясняется появление некоторых элементов, свойственных только сонной психике и ненаходимых в нашем сознании наяву. Таковы — сборные и смешанные лица и странные смешанные образы, которые можно сравнить с созданными народной фантазией на востоке сложными животными; последние, однако, имеют в нашем представлении определенную застывшую форму, между тем, как сонная психика постоянно создает новые сложные образы в неисчерпаемом богатстве. Каждый знаком с такими созда-

ниями по своим собственным сновидениям. Способы их образования весьма различны. Я могу создать сложный образ лица, либо наделяя его чертами двух разных лиц, либо давая ему облик одного, а имя другого, либо представляя себе одно лицо и ставя его в положение, в котором находилось другое.

Во всех этих случаях соединение различных лиц в одного представителя их в сновидении вполне осмысленно: оно имеет в виду сопоставление оригиналов с известной точки зрения, которая может быть упомянута и в самом сновидении. Но обыкновенно только путем анализа можно отыскать эти общие черты спаянных в одно лиц, а образование таких лиц во сне лишь намекает на эти общие черты.

Таким же многообразным путем и по тем же причинам возникают неизмеримо богатые по содержанию смешанные создания сна, примеров которых я не стану приводить. Они перестанут казаться странными, если не сопоставлять их с объектами восприятий наяву, а иметь в виду, что они представляют собой результат сгущения образов во сне и выделяют в сокращенном виде общие черты скомбинированных таким образом объектов. Но эти общие черты и в данном случае выясняются большей частью только путем анализа; сон

как бы говорит: все эти явления имеют какой-то общий х.

Разложение этих смешанных созданий путем анализа часто ведет кратчайшим путем к истолкованию сновидения. Так мне снилось однажды, что я сижу на одной скамье с одним из своих прежних университетских учителей, при чем скамья эта начинает быстро двигаться среди других скамей. Эта картина является комбинацией аудитории с trottoir roulant; дальше я не стану пока следить за этой мыслью. В другой раз во сне я сижу в вагоне и держу на коленях какой-то предмет, имеющий форму шляпы-цилиндра и сделанный из прозрачного стекла. По поводу этой картины мне тотчас приходит в голову пословица: «со шляпой в руке, можно пройти по всей стране». Стеклянный цилиндр напоминает косвенно ауэровскую сетку, и я тотчас узнаю, что хотел бы изобрести что-нибудь, что помогло бы мне сделаться таким же богатым и независимым, как мой земляк д-р Ауэр, из Вельсбаха: тогда я мог. бы путешествовать вместо того, чтобы сидеть в Вене. В сновидении я путешествую со своим изобретением, стеклянной шляпой-цилиндром, которая, впрочем, еще не вошла в употребление.

Особенно охотно работа сна соединяет в одном смешанном образовании два противоречащих друг другу представления. Так, например, одна женщина во сне видит у себя в руках высокий цветочный стебель, как у ангела на картинах Благовещения Девы Марии (ее называют — Непорочная Дева Мария); но стебель покрыт большими белыми цветами, похожими на камелии (противоположность непорочности — дама в камелиях).

Большую часть того, что мы узнали относительно происхождения образов во сне, можно выразить в следующей формуле: каждый элемент сновидения в избытке определяется скрытыми в сновидении мыслями и обязан своим происхождением не одному элементу этих мыслей, а целому ряду их; однако последние не тесно связаны между собою, а относятся к различнейшим отделам сплетения скрытых мыслей. В содержании сна каждый элемент является по существу выражением всего этого неодинакового материала. Помимо того, анализ вскрывает еще и другую сторону сложного соотношения между содержанием сна и скрытыми в нем мыслями: подобно тому, как от каждого элемента сна идут нити ко многим скрытым мыслям, так и каждая скрытая в сновидении мысль выражается

обыкновенно не одним, а несколькими элементами сна; ассоциационные нити не идут просто от скрытых мыслей к содержанию сна, а многократно скрещиваются и переплетаются.

На-ряду с превращением мыслей в ситуацию («драматизацией») наиболее важным и своеобразным признаком работы сна является сгущение образов. Но до сих пор нам еще ничего неизвестно о мотивах, побуждающих нас к такому сгущению содержания.

V.

В сложных и спутанных сновидениях, которыми мы теперь заняты, нельзя объяснять все несходство между содержанием сна и скрытыми в нем мыслями только сгущением образов и драматизацией. Имеются доказательства влияния еще и третьего фактора, который заслуживает тщательного исследования. Когда мне удается путем анализа докопаться до скрытых в сновидении мыслей, то я прежде всего замечаю, что явное содержание сна состоит совсем из другого материала, чем скрытое. Конечно, это — только внешняя разница, исчезающая при внимательном исследовании, ибо в результате все содержание сна можно найти в скрытых мыслях, и почти все эти мысли находят себе выражение в содержании сна. Но из этой разницы все-таки кое-что

остается еще после анализа. То, что в сновидении выступало отчетливо на первый план, как существенное, должно после анализа удовольствоваться весьма подчиненной ролью среди других скрытых за сновидением мыслей; наоборот, те из последних, которые по свидетельству моих эмоций имеют право на самое большое внимание в сновидении, либо совсем отсутствуют, либо выражены отдаленными намеками в неясных частях его. Это явление я могу описать еще следующим образом: во время работы сна психическое напряжение переходит от мыслей и представлений, которым оно принадлежит по праву, к другим, не имеющим, по моему мнению, никакого права на такое подчеркивание; ни один процесс не помогает так сильно, как этот, скрыть смысл сновидения и сделать непонятной связь между содержанием сна и скрытыми за ним мыслями. Во время этого процесса, который я назову вытеснением сновидения, наблюдается также замена психического напряжения и относительной важности мыслей живостью образов. Наиболее ясное в содержании сна кажется обыкновенно самым важным, между тем как раз в неясной части сна часто можно обнаружить самую непосредственную связь с наиболее существенной, скрытой за сновидением, мыслью. То, что

я назвал вытеснением сновидения, можно было бы назвать также переоценкой психических ценностей. Для полной оценки данного явления необходимо еще указать на то, что эта работа вытеснения или переоценки ценностей весьма неодинакова в различных сновидениях: бывают сновидения, образовавшиеся почти без всякого вытеснения и являющиеся в то же время вполне осмысленными и понятными, каковы, например, незамаскированные исполнения желаний во сне; в других сновидениях, наоборот, ни одна из скрытых мыслей не сохранила своей собственной психической ценности, и все существенное скрытых мыслей замещено второстепенным.

Между этими двумя формами наблюдается целый ряд постепенных переходов: чем темнее и спутаннее сновидение, тем большее участие в его создании можно приписать процессу вытеснения. Избранный нами для анализа пример обнаруживает такое смещение, в силу которого содержание сна и скрытых за ним мыслей концентрируется в разных пунктах: во сне на первый план выступает ситуация, будто какая-то женщина делает мне авансы; в скрытых же мыслях центр тяжести покоится на желании отведать разок бескорыстную любовь, «которая ничего не стоит»;

последняя мысль скрывается также за разговорами о красивых глазах и отдаленным намеком в слове «шпинат».

Исправляя путем анализа произведенное во сне вытеснение, мы приходим к совершенно неоспоримым выводам относительно двух спорных проблем сна, именно: относительно возбудителей сновидения и связи последнего с психикой наяву. Есть сновидения, которые сразу обнаруживают свою связь с дневными переживаниями; в других же нельзя отыскать этой связи. Однако, анализ доказывает, что каждый сон без исключения связан с каким-либо впечатлением последних дней или вернее последнего дня перед сновидением. Впечатление, играющее роль возбудителя сновидения, может быть так значительно, что наяву нас не удивляет интерес к нему; в этом случае мы справедливо считаем сновидение продолжением важных интересов дня. Но обыкновенно, если содержание сна имеет какое-либо отношение к дневному впечатлению, последнее бывает так ничтожно и так легко забывается, что мы лишь с трудом припоминаем его. Сновидение, будучи даже связным и понятным, как будто интересуется самыми безразличными мелочами, которые наяву не могли бы вызвать никакого интереса. Пренебрежение к

сновидению в значительной степени объясняется тем, что сон оказывает такое предпочтение безразличному и неважному; но анализ разрушает внешнюю оболочку, на которую опирается эта низкая оценка сновидения. Там, где сновидение выставляет на первый план в качестве возбудителя безразличное впечатление, анализ обыкновенно обнаруживает значительное и справедливо волнующее переживание, которое во сне входит в обширные ассоциативные связи с безразличным переживанием и замещается им. Там, где сновидение занято лишенными значения и интереса представлениями, анализ вскрывает многочисленные связи, соединяющие это неважное с весьма ценным. Когда мы в содержании сна находим безразличное впечатление вместо волнующего и безразличный материал вместо интересного, то это нужно рассматривать, как результат работы смещения.

Придерживаясь теперь взглядов, выработанных нами при замене явного содержания сна скрытым, нужно на вопрос о возбудителях сновидения и о связи последнего с повседневной жизнью ответить следующим образом: сновидение никогда не интересуется тем, что не могло бы привлечь нашего внимания днем, и мелочи, не волнующие нас днем, не в со-

стоянии преследовать нас и во сне. Каков же возбудитель сновидения в избранном нами для анализа примере? Это — незначительное переживание, заключавшееся в том, что приятель дал мне возможность проехаться даром в карете. Картина за табльдотом во сне содержит намек на этот незначительный факт, ибо в разговоре с приятелем я привел карету с таксометром в параллель с табльдотом.

Но я могу также указать и на важное переживание, которое замещено во сне этим незначительным: несколько дней перед тем я истратил много денег на одного дорогого мне члена моей семьи. И вот скрытые за сновидением мысли как бы говорят: было бы нисколько не удивительно, если бы то лицо отблагодарило меня — любовь его не была бы бесплатной. Бесплатная же любовь, повидимому, стоит среди моих скрытых мыслей на первом плане. И то обстоятельство, что я с указанным родственником незадолго перед тем несколько раз ездил в карете, приводит к тому, что поездка с моим приятелем напоминает мне об отношениях к первому. Для того, чтобы какое-нибудь незначительное переживание могло сделаться возбудителем сновидения, необходимо еще одно условие, не нужное для действительного источника сновидения: это

переживание должно быть всегда свежим, т.-е. относиться ко дню перед сновидением.

Я не могу оставить вопроса о смещении сновидений, не упомянув еще об одном удивительном явлении, которое наблюдается при образовании картин сновидения под влиянием сгущения и смешения образов. При рассмотрении сгущения мы уже имели возможность познакомиться с таким случаем, когда два скрытых за сновидением представления, имея что-либо общее между собой или какую-нибудь точку соприкосновения, замещаются в сновидении смешанным представлением, в котором ясное зерно соответствует общим, а неясные подробности — частным чертам обоих представлений. Если к этому сгущению присоединяется еще и смещение, то образуется не смешанное представление, а среднее-общее, которое относится к отдельным элементам так, как в параллелограмме сил составляющие относятся к равнодействующей. Так ,например, в одном из моих сновидений идет речь о впрыскивании п р о п и л е н а. При анализе я прежде всего нахожу в качестве возбудителя сновидения незначительное переживание, в котором некоторую роль играет амилен (химический препарат). Пока я еще не могу объяснить смешения амилена с пропиленом. Но к кругу

идей того же сновидения относится еще воспоминание о первом посещении Мюнхена, где на меня произвели сильное впечатление Пропилеи. Дальнейший анализ позволяет высказать предположение, что вытеснение амилена пропиленом было обусловлено влиянием второго круга идей на первый. Пропилен является, так сказать, средним представлением между амиленом и Пропилеями, и слово это попадает в содержание сна в качестве компромисса путем одновременного сгущения и смещения. При взгляде на эту работу смещения чувствуется еще настоятельнее, чем при сгущении, потребность найти мотивы такой загадочной работы сна.

VI.

Если то обстоятельство, что мы в содержании сна не находим или не узнаем скрытых за ним мыслей и не догадываемся даже о причинах такого искажения, обусловливается главным образом работой смещения, то другая более легкая переработка скрытых мыслей приводит нас к обнаружению новой, но уже легко понятной деятельности сонной психики. Ближайшие скрытые мысли, обнаруживаемые путем анализа, часто поражают нас

своей необычной внешностью: они являются нам не в трезвых словесных формах, которыми наше мышление обыкновенно пользуется, а скорее выражаются символически, посредством сравнений и метафор, как в образном поэтическом языке. Нетрудно найти причину такого рода условности при выражении скрытых мыслей. Сновидение большею частью состоит из зрительных картин (ситуаций); поэтому скрытые мысли должны прежде всего подвергнуться некоторым изменениям, чтобы сделаться годными для такого способа выражения. Если мы представим себе, например, задачу, заключающуюся в том, чтобы заменить фразу из какой-нибудь руководящей политической статьи или из речи в судебном зале рядом картинных изображений, то мы легко поймем, какие изменения вынуждена производить сонная психика в целях картинности сновидения.

Среди психического материала скрытых мыслей обыкновенно встречаются воспоминания о глубоких переживаниях, нередко из раннего детства, запечатлевшихся, как ситуации с зрительным содержанием. Этот элемент скрытых мыслей, действуя как бы в качестве кристаллизационного центра на концентрацию и распределение материала скрытых мыслей,

оказывает, где только возможно, определяющее влияние на сформирование сновидения. Ситуация во сне является часто не чем иным, как видоизмененным и усложненным повторением указанного глубокого переживания: сновидение лишь очень редко дает точную и без всяких примесей репродукцию действительных сцен. Но сновидение не состоит исключительно из ситуаций, а содержит также отдельные клочки зрительных образов, речей и даже неизмененных мыслей. Небесполезно, пожалуй, просмотреть теперь вкратце изобразительные средства, которыми располагает сонная психика для своеобразного выражения скрытых мыслей. Обнаруживающиеся путем анализа скрытые мысли представляют психический комплекс самого запутанного строения. Части его находятся в самых разнообразных логических отношениях друг к другу: они могут стоять на первом и на последнем плане; могут быть условиями, отступлениями, пояснениями, доказательствами и возражениями; почти всегда рядом с одним направлением мыслей находится противоречащее ему обратное течение. Этому материалу свойственны все характерные черты знакомого нам мышления наяву; но, чтобы получить сновидение из этого психического материала, необходимо подвергнуть его сгу-

щающей прессовке, внутреннему раздроблению, перемещению и, наконец, избирательному воздействию со стороны наиболее годных для образования ситуаций составных частей. При такой переработке психический материал теряет, конечно, скреплявшие его логические связи: сонная психика как бы берет на себя только обработку фактического содержания скрытых мыслей; так что при толковании сна необходимо восстановить связь, уничтоженную работой сна. Таким образом средства выражения сонной психики можно назвать жалкими в сравнении со средствами нашего мышления. Однако, сновидение вовсе не должно отказываться от передачи логических отношений между скрытыми мыслями: очень часто ему удается заменять эти отношения характерными созданиями собственного творчества. Сновидение прежде всего обнаруживает непреложную связь между всеми частями скрытых мыслей тем, что соединяет весь этот материал в одну ситуацию: оно выражает *логическую связь сближением во времени и пространстве*, подобно художнику, соединяющему на картине Парнаса всех поэтов, которые, конечно, никогда не находились вместе на одной вершине горы, но в *понятии*, несомненно, образуют одну семью.

Сонная психика применяет этот способ выражения и в частностях, так что, если в сновидении два элемента находятся рядом, это говорит за особенно тесную связь между скрытыми за ними мыслями. Здесь нужно еще заметить, что сновидения одной ночи обнаруживают при анализе свое происхождение от одного и того же круга идей.

Причинная зависимость в сновидении либо вовсе не выражается, либо замещается последовательностью во времени двух неодинаково длинных частей сновидения. Часто это замещение бывает обратным, т.-е. начало сновидения соответствует следствию, а конец — предпосылке. Прямое превращение во сне одного предмета в другой указывает, повидимому, на отношение причины к действию. Сновидение никогда не выражает альтернативу «или-или», а содержит оба члена ее, как равнозначущие, в одной и той же связи. И я уже упоминал, что при воспроизведении сновидения альтернативу «или-или» нужно передавать словом «и». Противоречащие друг другу представления выражаются во сне преимущественно одним и тем же элементом. Слова «нет», повидимому, не существует для сновидения. Противоположность между двумя мыслями и обратное

отношение выражается во сне в высокой степени странно, именно: одна часть сновидения, как бы последовательно превращается в свою противоположность. Ниже мы познакомимся еще с другим способом выражения противоречия.

Столь частое во сне ощущение затрудненного движения выражает противоречие между импульсами, т.-е. волевой конфликт. Весьма пригодным для механизма создания сновидений оказывается только одно логическое отношение — отношение подобия, общности, согласования. Сон пользуется этими случаями, как опорными пунктами для сгущения сновидения и соединяет в одну новую единицу все, что обнаруживает такое согласование.

Всех высказанных нами замечаний, конечно, недостаточно для правильной оценки всей суммы средств, которыми располагает сонная психика для выражения логических отношений между скрытыми за сновидением мыслями. В этом отношении разные сновидения бывают обработаны более тонко или более небрежно: неодинаково старательно придерживаются предлежащего текста и неодинаково пользуются вспомогательными средствами сонной психики; в ином случае сновидения кажутся темными, спутанными и бессвязными. Когда

сон, очевидно, нелеп и содержит очевидное противоречие, это происходит преднамеренно: своим с виду небрежным отношением ко всем логическим требованиям сновидение указывает на какую-то скрытую мысль; нелепость в сновидении означает противоречие, насмешку и издевательство в скрытой мысли.

Так как это объяснение является самым сильным возражением против того понимания сна, которое приписывает происхождение сновидения диссоциированной и лишенной критики душевной деятельности, то я хочу подкрепить свое объяснение примером. Мне снится: «один мой знакомый М. подвергся в одной статье нападкам со стороны, не больше и не меньше, как самого Гёте; нападки эти по нашему общему мнению были незаслужены. М. был, конечно, уничтожен ими; он горько жалуется на это в одном обществе за столом, но говорит, что его уважение к Гёте от этого нисколько не пострадало. Я стараюсь затем несколько выяснить себе обстоятельства времени, которые кажутся мне неправдоподобными. Гёте умер в 1832 году, следовательно, его нападки на М. должны были произойти раньше; М. должен был быть тогда совсем молодым человеком; мне представляется вероятным, что ему было 18 лет. Но я не знаю

точно, какой у нас теперь год, и таким образом все вычисление затемняется. Впрочем, эти нападки содержатся в известной статье Гёте «Природа».

Бессмысленность этого сновидения сделается еще ярче, если я сообщу, что М. — молодой делец, которому чужды всякие поэтические и литературные интересы. Но приступив к анализу этого сновидения, я сумею доказать, что за этой бессмысленностью кроется определенная система. Сновидение черпает свой материал из трех источников:

1) М., с которым я познакомился в одном обществе за столом, обратился ко мне однажды с просьбой исследовать его старшего брата, обнаруживавшего признаки душевного расстройства. При разговоре с больным случилась неприятная сцена, заключавшаяся в том, что больной, без всякого повода, стал нападать на брата и намекать на его юношеские похождения. Я спросил больного о дне его рождения (день смерти во сне) и заставил его производить различные вычисления, чтобы обнаружить у него ослабление памяти.

2) Одна медицинская газета, на обложке которой стояло также и мое имя, поместила прямо-таки «уничтожающую» критику одного

совсем молодого референта по поводу книги моего друга Ф. из Берлина. По этому поводу я говорил с редактором, который, правда, выразил свое сожаление, но отказался поместить возражение. После этого я прекратил отношения к газете и в своем письменном отказе выразил редактору надежду, что наши личные отношения от этого случая не пострадают. Данный случай собственно и является источником сновидения. Отрицательный прием, оказанный работе моего друга, произвел на меня глубокое впечатление: эта работа, по моему мнению, содержала фундаментальное биологическое открытие, которое лишь теперь, спустя 4 года, начинает оцениваться специалистами.

3) Одна больная рассказала мне недавно историю болезни своего брата, который впал в помешательство с криком «природа, природа». Врачи думали, что восклицание это относится к чтению прекрасной статьи Гёте и что оно указывает на переутомление больного от занятий. Я сказал, что мне представляется более вероятным, что восклицание «природа» нужно понимать в том половом смысле, который известен и необразованным. И тот факт, что несчастный больной впоследствии изуродовал себе половые ор-

ганы, во всяком случае подкрепил мое предположение. Когда произошел первый припадок, этому больному было 18 лет.

В сновидении прежде всего за моим «я» скрывается мой, так плохо встреченный критикой друг. «Я стараюсь несколько выяснить себе обстоятельства времени». Книга моего друга посвящена именно исследованию некоторых вопросов о длительности жизни; между прочим автор говорит также о продолжительности жизни Гёте, которая равна очень значительному в биологии числу дней. Однако мое «я» уподобляется затем паралитику («я не знаю точно, какой у нас теперь год»). Таким образом, сновидение представляет моего друга паралитиком, изобилуя при этом нелепостями. Скрытые же мысли гласят иронически: «Конечно он — сумасшелший дурак, а вы — гении и больше всех понимаете; а не вернее ли будет обратное положение?» Эта фигура обратного отношения широко использована во сне; так, например, Гёте нападает на молодого человека; это, конечно, нелепо, ибо в наше время всякий молодой человек легко может критиковать великого Гёте.

Я мог бы сказать, что каждое сновидение исходит только из эгоистических побуждений. Мое «я» во сне не только замещает моего

друга, но изображает также и меня самого; я отожествляю себя с ним: судьба его открытия представляется мне образцом того, как будет принято мое собственное открытие; когда я выступлю со своей теорией, подчеркивающей в этиологии психо-неврозов влияние половой сферы (ср. намеки на больного с возгласом «природа»), то меня ожидает такая же критика, и я уже теперь так же смеюсь над ней. Вскрывая далее свои скрытые мысли, я постоянно нахожу насмешку и издевательство, как коррелат нелепостей в сновидении. Случайная находка в Венеции надтреснутого черепа овцы, как известно, навела Гёте на мысль о так называемой позвоночной теории черепа. Мой друг хвалится, что, будучи студентом, он поднял целую бурю для устранения одного старого профессора, который, имея в прошлом заслуги (между прочим и в указанной выше области сравнительной анатомии), сделался затем вследствие старческого слабоумия неспособным к преподаванию. Поднятая им (другом) агитация помогла беде, создавшейся в силу того, что в немецких университетах не положен возрастный предел академическому преподаванию. Но старческий *возраст не гарантирует от глупости*. Несколько лет я служил в одной больнице при

старшем враче, который, будучи давно уже дряхлым и с десяток лет заведомо слабоумным, продолжал занимать свою ответственную должность. Здесь мне вспоминается находка Гёте в Венеции. Молодые коллеги по больнице применили как-то к этому старику популярную в то время песенку: «Ни один Гёте этого не воспел, ни один Шиллер этого не описал и т. д.

VII.

Мы не закончили еще оценки работы сонной психики. Кроме сгущения, вытеснения и картинной переработки психического материала, необходимо приписать сонной психике еще другого рода функцию, заметную, впрочем, не во всех сновидениях. Я не стану подробно описывать эту часть работы сна, но хочу лишь указать, что о ее сущности можно составить себе представление, если предположить, может быть, не совсем верно, что сонная психика действует иногда на сновидение уже после его образования. Ее работа заключается в том, чтобы расположить составные элементы сна в такой порядок, при котором они находились бы между собой в связи и сливались бы в одно цельное снови-

дение. Таким образом, сновидение приобретает нечто вроде фасада, который, конечно, не во всех пунктах прикрывает его содержание. Но такая обработка сновидения становится возможной лишь благодаря тому, что сонная психика при этом ничем не смущается и вообще обнаруживает резкое непонимание скрытых мыслей; поэтому, когда мы приступаем к анализу сновидения, нам прежде всего необходимо отбросить эту часть работы сна.

В этой части цель работы сонной психики становится особенно прозрачной; это — желание сделать сон более понятным. Это обстоятельство указывает также и на характер такой переработки; последняя относится к соответственному сновидению так же, как наша нормальная психика — к содержанию любого восприятия: она применяет к нему известные готовые представления и уже при самом восприятии в целях понятности располагает элементы последнего в определенном порядке; однако такая переработка рискует исказить восприятие, и, действительно, если не удается связать его с чем-либо известным, она приводит к самым странным недоразумениям. Ведь известно, что мы не в состоянии смотреть на ряд чуждых нам знаков или слушать незнакомые слова без того, чтобы не видоизме-

нять их с целью сделать понятными и связать с чем-либо знакомым для нас.

Сновидения, подвергшиеся такой обработке со стороны сонной психики, можно назвать хорошо сочиненными. В других сновидениях эта деятельность сонной психики совершенно отсутствует; в них даже не делается попытки упорядочить и истолковать сон, так что по пробуждении мы, не находя в сновидении определенного порядка, говорим, что оно было «совершенно спутанным». Однако, сновидение, представляющее беспорядочную кучу бессвязных отрывков, имеет для анализа такую же ценность, как и сновидение, хорошо сглаженное и снабженное поверхностью; в первом случае нам не приходится тратить усилий на разрушение того, что создано последней функцией работы сна.

Если твердо держаться того положения, что «работа сна» обозначает переработку скрытых мыслей в содержание сна, то нужно сказать, что работа сна вообще ничего не создает, не проявляет своей собственной фантазии, не рассуждает, не умозаключает и что вообще функции ее заключаются только в сгущении материала, перемещении его и картинной переработке, к которой присоединяется иногда еще последний непостоянный элемент — работа

толкования, т.-е. связывания. В содержании сна встречаются, правда, и такие элементы, которые можно было бы принять за продукт высшей психической деятельности; но анализ всегда обнаруживает, что эти умственные операции имели место уже в скрытых мыслях, откуда сновидение их лишь заимствует. Логическое заключение в сновидении есть не что иное, как повторение заключения из скрытых мыслей. Оно бывает неопровержимым, если переходит в сновидение без изменения; но оно становится бессмысленным, если работа сна применяет его к другому материалу.

Вычисление во сне указывает на таковое же в скрытых мыслях; но тогда как в последнем случае вычисление всегда правильно, во сне оно может в силу сгущения элементов и применения (смещения) к другому материалу дать самый нелепый результат. Даже встречающиеся в сновидении речи не сочинены вновь: они оказываются составленными из отрывков речей, произнесенных или слышанных раньше и воспроизведенных теперь в скрытых мыслях; при этом, слова воспроизводятся самым точным образом, повод же к их произнесению игнорируется и смысл жестоко извращается. Быть может, не излишне подкрепить последние указания примерами.

1) Невинно звучащее и хорошо сочиненное сновидение одной пациентки гласит:

Она идет на рынок со своей кухаркой, которая несет корзину. Мясник в ответ на ее требование чего-то говорит: — «этого уже нет» и хочет дать ей что-нибудь другое с замечанием: «это тоже хорошо». Она отказывается и идет к зеленщице. Последняя предлагает ей пучок какой-то странной зелени черного цвета. Она говорит: «этого я не знаю и не возьму».

Слова: «этого уже нет» находятся в связи с историей ее лечения. Я сам за несколько дней до того объяснял пациентке, что воспоминания раннего детства уже не существуют, как таковые, а заменяются метафорами и сновидениями; значит в ее сновидении в качестве мясника фигурирую я. Другие слова: «этого я не знаю» были произнесены при совершенно других условиях. За день до сновидения она крикнула своей кухарке, которая, впрочем, тоже фигурирует в сновидении: «ведите себя прилично, этого я не признаю» (т.-е. такого поведения не признаю и не понимаю). Более невинная часть этой фразы попала, в силу смещения, в сновидение; в скрытых же мыслях главную роль играла другая часть фразы; дело в том, что

в данном случае работа сна изменила крайне наивно и до полной неузнаваемости созданную воображением больной ситуацию, где я веду себя в некотором роде неприлично по отношению к ней. А эта воображаемая ситуация в свою очередь является лишь новым изданием переживания пациентки, имевшего когда-то место в действительности.

2) Вот другой, как-будто лишенный всякого значения сон, в котором встречаются числа. Г-же А. снится, будто ей нужно уплатить за что-то; дочь ее берет у нее из кошелька 3 фл. 65 кр., но мать говорит ей: что ты делаешь? Это ведь стоит только 21 кр.».

Сновидящая была иногородней; она поместила своего ребенка в какое-то воспитательное заведение в Вене и могла продолжать лечение у меня до тех пор, пока в Вене оставалась ее дочь. В день перед сновидением заведующая заведением советовала матери оставить ребенка еще на год; в этом случае она продлила бы и свое лечение на год. Числа в сновидении приобретают значение, если вспомнить, что «время—деньги». Один год равен 365 дням, в крейцерах—365 кр. или 3 фл. 65 кр.; 21 кр. соответствуют трем неделям, которые оставались со дня сновидения до

конца учения и, следовательно, до конца лечения. Повидимому, именно денежные соображения заставили эту даму отклонить предложение заведующей и в силу этих же соображений во сне фигурирует небольшая денежная сумма.

3) Молодая, но находящаяся уже несколько лет в замужестве дама узнает, что ее знакомая сверстница Элиза Л. помолвлена. По этому поводу ей приснилось следующее: она со своим мужем сидит в театре, и одна сторона партера совершенно не занята. Муж рассказывает ей, что Элиза Л. и жених ее также хотели пойти, но могли достать только плохие места, три места за 1 фл. 50 кр., а таких они не хотели взять. Она думает, что в этом не было бы беды.

Здесь нас интересует, как эти числа возникли из материала скрытых мыслей и каково испытанное ими превращение. Откуда получились эти 1 фл. 50 кр.? По незначительному поводу предыдущего дня: ее невестка получила в подарок от своего мужа 150 фл. и поторопилась растратить их, купив себе на эту сумму какое-то украшение. Заметим, что 150 фл. в 100 раз больше, чем 1 фл. 50 кр. Для цифры «три», относящейся к театральным билетам, имеется лишь та связь,

что невеста Элиза Л. ровно на три месяца моложе этой дамы (сновидящей). Ситуация в сновидении является воспроизведением небольшого случая, которым муж ее часто дразнил: она однажды очень торопилась достать заблаговременно билеты на одно представление; когда же она явилась в театр, одна сторона партера была почти не занята; ей, следовательно, не зачем было так торопиться. Не оставим, наконец, без внимания и ту нелепость в сновидении, что два лица хотят взять три билета в театр. Скрытые мысли здесь таковы: «это ведь было бессмысленно выходить так рано замуж; мне не зачем было так торопиться. На примере Элизы Л. я вижу, что всегда могла бы найти мужа и даже в сто раз лучшего (муж, сокровище — Schatz), если бы только подождала. За свои деньги (приданое) я могла бы купить себе трех таких мужей».

VIII.

Познакомившись в предыдущем изложении с работой сна, читатель, пожалуй, будет склонен рассматривать ее, как совершенно особенный процесс, не имеющий, насколько из-

вестно, подобного себе; на работу сна как бы переходит то странное ощущение, которое обыкновенно вызывается у нас продуктом этой работы, т.-е. сновидением. Но, в действительности, работа сна впервые знакомит нас лишь с одним из целого ряда психических процессов, на почве которых возникают истерические симптомы, навязчивый страх, навязчивые и бредовые идеи. Сгущение и прежде всего смещение (вытеснение) являются всегда характерными чертами также и для этих процессов; наоборот, картинная переработка остается своеобразной чертой работы сна. Если это объяснение ставит сновидение рядом с созданиями больной психики, то тем важнее для нас узнать существенные условия возникновения таких процессов как сновидение.

Читатель, вероятно, будет удивлен, когда услышит, что к этим обязательным условиям не относятся ни сонное состояние, ни болезнь; целый ряд явлений повседневной жизни здоровых людей — забывчивость, обмолвки, промахи и известный род заблуждений — обязан своим возникновением такому же психическому механизму, как и сновидение. Среди отдельных функций работы сна более всего поразительно смещение, являющееся центральным пунктом всей проблемы. При исследова-

нии вопроса мы узнаем, что явление смещения обусловливается чисто-психологическими моментами: оно является чем-то вроде мотивировки.

Чтобы обнаружить последнюю, необходимо дать оценку тем фактам, с которыми мы неизбежно сталкиваемся при анализе сновидения. Так при анализе первого сновидения я вынужден был прервать изложение скрытых мыслей в виду того, что среди них, как я признался, были такие, которые я по важным соображениям предпочитаю скрыть от посторонних. К этому я добавил, что, если вместо данного сновидения взять для анализа какое-нибудь другое, это делу не поможет: в каждом сновидении с темным или спутанным содержанием я натолкнусь на скрытые за ним мысли, требующие сохранения тайны. Но если я продолжаю анализ для себя самого и не принимаю во внимание других, для которых ведь и не предназначено такое личное переживание, как сновидение, то я добираюсь, наконец, до таких мыслей, которые ошеломляют меня, которых я в себе не знал, и которые мне не только чужды, но и неприятны; я готов энергично оспаривать их, но протекающая в анализе ассоциация идей непреодолимо навязывает мне их.

Это общее положение вещей я могу объяснить только тем, что мысли эти, действительно, содержались в моей психике и обладали известной психической интенсивностью, но находились в своеобразном психологическом состоянии, в силу которого не могли сделаться сознательными. Я называю это особенное состояние—состоянием вытеснения, оттесненным состоянием. И я не могу не видеть причинной связи между неясностью сновидения и оттесненным состоянием некоторых скрытых мыслей, т.-е. неспособностью их достигнуть сферы сознания; а отсюда я заключаю, что сновидение должно быть неясным для того, чтобы не выдать запретных скрытых мыслей.

Таким образом я прихожу к представлению об искажении сновидения, которое является продуктом работы сна и имеет своею целью замаскировать, т.-е. скрыть что-нибудь. Я попытаюсь теперь на примере избранного мною для анализа сновидения спросить себя, какова же та скрытая мысль, которая проявилась в этом сновидении в искаженном виде и которая, будучи не искажена, вызвала бы с моей стороны самое резкое возражение. Я вспоминаю, что даровая поездка

в карете напомнила мне о дорого обошедшихся мне в последнее время поездках в карете с одним членом моей семьи; далее, что толкование сновидения привело меня к мысли — «мне хотелось бы испытать разок любовь, которая мне ничего не стоит» — и, наконец, что я незадолго перед сновидением истратил на это самое лицо большую сумму денег. В этой связи я не могу отделаться от мысли, что мне жаль этих денег. И только, когда я признаюсь в этом чувстве, приобретает смысл то обстоятельство, что я во сне хочу любви, не требующей от меня никаких расходов. И, все-таки, я в праве искренно сказать себе, что при решении затратить ту сумму, я не колебался ни одного мгновения; сожаление об этом, т.-е. обратное побуждение, не достигло моего сознания; по каким причинам не достигло, это — во всяком случае, другой вопрос, ведущий далеко в сторону, и известный мне ответ на него принадлежит к другой связи идей.

Подвергая анализу не свое собственное, а сновидение другого лица, я приду к тем же выводам, хотя соображения, на которых будут основываться мои выводы, будут иными. Если я имею дело со сновидением здорового

человека, то у меня нет иного средства заставить его признать обнаруженные и несознанные им скрытые мысли, как указать на общую связь всех скрытых за сновидением мыслей. Если же я имею дело с нервно-больным, напр., истериком, то признание не сознанной (оттесненной) мысли является для него обязательным в виду связи этой последней с симптомами его болезни и в виду улучшения, наступающего у него при замене симптомов болезни несознанными мыслями. Например, у больной, которой принадлежит последнее сновидение с тремя билетами за 1 фл. 50 кр., анализ должен допустить, что она не ценит своего мужа, сожалеет о браке с ним и охотно заменила бы его другим; она, конечно, утверждает, что любит его и что ее сознание ничего не знает об этой низкой оценке мужа (в 100 раз лучшего!); но все симптомы ее болезни приводят к такому же заключению, как и это сновидение. И после того, как у больной были разбужены оттесненные воспоминания о том времени, когда она сознательно не любила своего мужа, болезненные симптомы исчезли, а с ними исчезло и ее сопротивление против вышеупомянутого толкования сновидения.

IX.

Установив понятие об оттеснении и приведя факт искажения сновидения в связь с оттесненным психическим материалом, мы в состоянии указать в общих чертах на полученные из анализа сновидений главные результаты. Относительно понятных и осмысленных сновидений мы узнали, что они являются незамаскированными исполнениями желаний, т.-е., что ситуация во сне представляет исполненным какое-нибудь вполне заслуживающее внимания желание, знакомое сознанию и оставшееся не выполненным наяву. В неясных и спутанных сновидениях анализ обнаруживает нечто вполне аналогичное: ситуация во сне опять изображает исполненным какое-нибудь желание, выплывающее всегда из скрытых мыслей; но представлено оно в неузнаваемом виде, так, что только анализ в состоянии вскрыть его. При этом желание либо само оттеснено и чуждо сознанию, либо самым тесным образом связано с оттесненными мыслями и выражается ими. Итак, формула этих сновидений такова: о н и с у т ь з а м а с к и р о-

ванные исполнения оттесненных желаний. Любопытно отметить по этому поводу справедливость народного воззрения, рассматривающего сновидение, как предсказание будущего. В действительности, во сне проявляется не то будущее, которое наступит, а то, наступления которого мы желали бы; народный дух и здесь поступает так, как он привык поступать в других случаях: он верит в то, чего желает.

С точки зрения исполнения желаний сновидения бывают трех родов. Во-первых, сновидения, представляющие неоттесненное желание в незамаскированном виде; таковы — сновидения детского типа, реже встречающиеся у взрослых. Во-вторых, сновидения, выражающие оттесненные желания в замаскированном виде: таково, пожалуй, огромное большинство всех наших сновидений, для понимания которых необходим анализ. В-третьих, сновидения, выражающие оттесненные желания, но без или с недостаточной маскировкой их. Эти сновидения постоянно сопровождаются страхом, прерывающим сон; страх выступает здесь взамен искажения сновидения; в сновидениях же второй категории страх устраняется работой сна. Можно без осо-

бых затруднений доказать, что представление, вызывающее теперь у нас во сне страх, было когда-то нашим желанием, а затем было оттеснено. Существуют также ясные сновидения с страшным содержанием, которые, однако, не вызывают страха во сне; поэтому их не следует причислять к сновидениям третьей категории.

Такие сновидения служили всегда доказательством того мнения, что сновидения лишены всякого значения и психической ценности. Однако анализ одного примера покажет, что в таких случаях мы имеем дело с хорошо замаскированными исполнениями оттесненных желаний, т.-е. со сновидениями второй категории; этот же пример может служить прекрасной иллюстрацией пригодности работы смещения для маскирования желаний. Девушка во сне видит единственного ребенка своей сестры мертвым при той же обстановке, при которой она несколько лет назад видела мертвым первого ребенка. При этом девушка не испытывает никакой жалости, но, конечно, протестует против того понимания, будто смерть ребенка соответствует ее желанию. Этого и не требуется.

Дело в том, что у гроба первого ребенка сестры она в последний раз видела и говорила

с любимым человеком; если бы умер второй ребенок, то, вероятно, она опять встретилась бы в доме сестры с этим человеком. И вот, она жаждет этой встречи, но протестует против такого желания. В самый день сновидения она взяла билет на лекцию, объявленную все еще любимым ею человеком; ее сновидение есть просто сон нетерпения, как это обыкновенно бывает перед путешествием, посещением театра и другими ожидаемыми удовольствиями; чтобы скрыть это стремление, ситуация применена к случаю, который менее всего подходит для радостных чувств, но который, все-таки, оказал ей, однажды, услугу. Следует обратить внимание еще на то обстоятельство, что эмоции во сне соответствуют не подстановленному содержанию сна, а действительному, хотя и скрытому; ситуация во сне предвосхищает давно желанное свидание и не дает никакого повода для тяжелых чувств.

X.

Так как философам до сих пор не приходилось еще заниматься вопросом о психологии оттеснения, то позволительно в связи с не-

известной сущностью этого явления составить себе наглядное представление о процессе образования сна. Несмотря на сложность принятой нами схемы, мы, все-таки, не можем удовлетвориться более простой схемой. По нашему мнению, в душевном аппарате человека имеются две мысле-образующие инстанции, из которых вторая обладает тем преимуществом, что ее продукты находят доступ в сферу сознания; деятельность же первой инстанции бессознательна и достигает сознания только через посредство второй. На границе обеих инстанций, на месте перехода от первой ко второй, находится цензура, которая пропускает лишь угодное ей, а остальное задерживает.

И вот то, что отклонено цензурой, находится, по нашему определению, в состоянии оттеснения. При известных условиях, одним из которых является сон, отношение сил между обеими инстанциями изменяется таким образом, что оттесненное не может уже быть вполне задержано; во сне это происходит как бы вследствие ослабления цензуры, в силу которого оттесненное приобретает возможность проложить себе дорогу в сферу сознания. Но так как цензура при этом никогда не упразд-

няется, а лишь ослабляется, то она довольствуется такими изменениями сновидения, которые смягчают неприятные ей обстоятельства; то, что в таком случае становится объектом сознания, есть компромисс между намерениями одной инстанции и требованиями другой. Оттеснение, ослабление цензуры, образование компромисса, — такова основная схема возникновения как сновидения, так и всяких психопатических представлений; при образовании компромисса как в том, так и в другом случае наблюдаются явления сгущения и смещения и возникают поверхностные ассоциации, знакомые уже нам по работе сна.

Нет нужды скрывать, что известную роль в созданном нами объяснении сыграл элемент демонизма при работе сна. У нас, действительно, получилось такое впечатление, что образование неясных сновидений происходит так, как будто одно лицо, находящееся в зависимости от другого, желает сказать то, что последнему неприятно слушать; путем такого уподобления мы создали понятие об искажении сновидения и о цензуре и затем постарались перевести свое впечатление на язык несколько грубой, но за то наглядной психологической теории. К чему бы не све-

лись наши первая и вторая инстанции при дальнейшем исследовании, мы все же ждем подтверждения нашего предположения, что вторая инстанция распоряжается доступом к сознанию и может не допустить к нему первую инстанцию.

По пробуждении цензура быстро восстановляет свою прежнюю силу и тогда может отобрать все, что было завоевано у нее в период ее слабости. Что забывание сновидения — по крайней мере отчасти — требует, именно, такого объяснения, это явствует из опыта, подтвержденного бесчисленное количество раз. При пересказе сновидения или при анализе его нередко случается, что отрывок, считавшийся забытым, вдруг вновь выплывает в памяти; этот извлеченный из забвения отрывок дает обыкновенно наилучший и ближайший путь к истолкованию сновидения; вероятно, в силу этого обстоятельства данный отрывок и был подавлен, т.-е. забыт.

XI.

Истолковав сновидение, как образное исполнение желания, и объяснив неясность его цензурными изменениями в оттесненном мате-

риале, нам уже не трудно сделать вывод о функции сновидения. В противоположность обычным разговорам о том, что сновидения мешают спать, мы должны считать сновидение хранителем сна. По отношению к детскому сну это утверждение, пожалуй, не встретит возражений. Наступление сна или соответственного изменения психики, в чем бы оно ни состояло, обусловливается решением уснуть, которое навязывается ребенку или принимается им добровольно вследствие усталости; при этом, сон наступает лишь при устранении внешних раздражений, могущих поставить перед психикой вместо сна иные задачи.

Нам известно, какие средства служат для устранения внешних раздражений; но необходимо указать также на средства, которыми мы располагаем для подавления раздражений внутренних (душевных), также мешающих нам уснуть. Возьмем мать, усыпляющую своего ребенка; последний беспрестанно выражает какое-нибудь желание; ему хочется еще раз поцеловаться, он хочет еще играть; желания эти частью удовлетворяются, частью авторитетно откладываются на следующий день; ясно, что возникающие желания и потребно-

сти мешают уснуть. Кому не знакома забавная история о скверном мальчугане, который, проснувшись ночью, орет на всю спальню: «хочу носорога?» Спокойный ребенок вместо того, чтобы орать, видел бы во сне, будто он играет с носорогом. Так как сновидение, представляющее желание исполненным, принимается доверчиво, то оно таким образом устраняет желание, и продолжение сна становится возможным.

Нельзя не признать, что сновидение принимается доверчиво потому, что является нам в виде зрительного восприятия; ребенок же не обладает еще способностью, развивающеюся позднее, отличать галлюцинацию или фантазию от действительности. Взрослый человек умеет различать это; он понимает также бесполезность хотения и путем продолжительного упражнения научается откладывать свои желания до того момента, когда они, вследствие изменения внешних условий, смогут быть удовлетворены окольным путем. Соответственно этому у взрослого во сне редко встречается исполнение желаний прямым психическим путем; возможно даже, что оно вообще не встречается; а сон, который кажется нам созданным по образцу детского сновидения, требует гораздо более сложного объяснения.

Зато у взрослого человека — и, пожалуй, у всех без исключения людей с нормальным рассудком — развивается дифференциация психического материала, отсутствующая у ребенка: появляется психическая инстанция, которая, будучи научена жизненным опытом, строго господствует над душевными движениями, оказывая на них задерживающее влияние и обладая по отношению к сознанию и произвольным движениям наиболее сильными психическими средствами. При этом часть детских эмоций, как бесполезная в жизни, подавляется новой инстанцией, так что все вытекающие из этих эмоций мысли находятся в состоянии оттеснения. Когда же эта инстанция, в которой мы узнаем свое нормальное «я», принимает решение уснуть, то в силу психо-физиологических условий сна она, повидимому, бывает вынуждена ослабить энергию, с которой обыкновенно задерживает днем оттесненные мысли.

Это ослабление само по себе незначительно: хотя в подавленной душе и теснятся эмоции, они в силу сонного состояния все-таки с трудом находят себе дорогу к сознанию и совсем не находят ее к двигательной сфере. Однако опасность, угрожающая с этой стороны спокойному продолжению сна, должна быть устра-

лена. По этому поводу необходимо указать, что даже в глубоком сне известное количество свободного внимания должно быть обращено на те возбуждения, в виду которых пробуждение представляется более целесообразным, чем продолжение сна. Иначе нельзя было бы объяснить того обстоятельства, что нас всегда можно разбудить раздражениями определенного качества, как на это указывал уже старый физиолог Бурдах; например, мать просыпается от плача своего ребенка, мельник — от остановки своей мельницы, большинство людей — от тихого обращения к ним по имени.

Вот это бодрствующее во сне внимание обращено также и на внутренние возбуждения, исходящие от оттесненных желаний, и образует вместе с ними сновидение, удовлетворяющее в качестве компромисса одновременно обе инстанции. Это сновидение, изображая подавленное или оттесненное желание исполненным, как бы психически исчерпывает его; в то же время, делая возможным продолжение сна, оно удовлетворяет и другую инстанцию. Наше «я» охотно ведет себя при этом, как дитя; оно верит сновидению, как бы говоря: «да, да, ты — прав, но дай мне спать».

То обстоятельство, что мы по пробуждении так низко ценим сновидение, в виду спутанности и кажущейся нелогичности его, обусловливается, вероятно, также и тем, что аналогичную оценку дает нашим возникающим из оттесненных мыслей эмоциям спящее «я», которое в своей оценке опирается на моторное бессилие сонных эмоций. Мы даже во сне сознаем иногда эту низкую оценку, именно: когда сон, по своему содержанию, слишком уж выходит за пределы цензуры, мы думаем «это ведь только сон» — и продолжаем спать.

Против такого понимания не может служить возражением то обстоятельство, что и по отношению к сновидению существуют предельные случаи, когда оно не в состоянии уже исполнять своей функции — охрану сна и, как это бывает при страшных сновидениях, берет на себя другую функцию — своевременно прервать сон. Сновидение поступает при этом подобно добросовестному сторожу, который сначала исполняет свою обязанность, устраняя всякий шум, могущий разбудить граждан; когда же причина шума представляется ему важной и сам он не в силах справиться с нею, тогда он видит свою обязанность в том, чтобы самому разбудить граждан.

Эта функция сновидения становится особенно очевидной в тех случаях, когда до спящего субъекта доходят какие-либо внешние раздражения. То обстоятельство, что раздражения внешних органов чувств во время сна оказывают влияние на содержание сновидения, всем давно известно, может быть доказано экспериментально и является мало пригодным, но слишком высоко оцененным результатом врачебных наблюдений над сновидением. Но с этим фактом связана другая неразрешимая до сих пор загадка: внешнее раздражение, действуя при эксперименте на спящего, появляется в сновидении не в своем настоящем виде, а подвергается одному из многочисленных толкований, выбор между которыми предоставлен, повидимому, произволу психики.

Психического произвола, конечно, не существует; спящий может реагировать различным образом: он либо просыпается, либо ему удается продолжать сон. В последнем случае он может воспользоваться сновидением, чтобы устранить внешнее раздражение, и при том, опять-таки, различным образом: он может, например, устранить раздражение, видя во сне такую ситуацию, которая совершенно не вяжется с данным раздражением. Так, на-

пример, одному господину с болезненным абсцессом в промежности снилось, будто он едет верхом на лошади; при чем согревающий компресс, который должен был смягчить боль, принят был им во сне, за седло; таким образом он справился с мешавшим ему спать раздражением.

Чаще же бывает так, что внешнее раздражение подвергается толкованию, в силу которого оно входит в связь с оттесненным и ждущим своего исполнения желанием, теряет поэтому свой реальный характер и рассматривается как часть психического материала. Так, например, одному лицу снится, что он написал комедию, воплощающую известную идею; комедия ставится в театре; прошел первый акт, встреченный бурными одобрениями; страшно аплодируют... Сновидящему здесь удалось продолжить сон, несмотря на шум; по пробуждении он не слыхал уже шума, но справедливо решил, что должно быть где-то вблизи выбивали ковер или постель. Сновидение, возникающее непосредственно перед пробуждением от сильного шума, всегда представляет собой попытку посредством толкования отделаться от мешающего спать раздражения и таким образом продлить сон еще на некоторое время.

XII.

Я не утверждаю, что осветил здесь все проблемы сновидения или исчерпал все убедительные доводы в пользу затронутых мною вопросов. Кто интересуется всей литературой о сновидении, пусть обратится к книге Sante de Sanctis'a о сновидении; а кто желает познакомиться с более подробным обоснованием высказанных здесь мною взглядов, пусть прочтет мою работу: «Толкование сновидения».

Здесь я укажу еще лишь на то, в каком направлении должна продолжаться разработка моих взглядов на сущность работы сна. Если задачей толкования сна я считаю замену сновидения скрытыми в нем мыслями, т.-е. распутывание того, что соткано работой сна, то, с одной стороны, я выставляю ряд новых психологических задач, касающихся как механизма работы сна, так и сущности и условий возникновения так называемого оттеснения; с другой стороны, я признаю существование скрытых мыслей, как психического материала высшего порядка, обладающего всеми признаками высшей умственной деятельности, но не

проникающего в сферу сознания до тех пор, пока сновидение не исказит его. Я вынужден предполагать существование таких скрытых мыслей у каждого человека, ибо почти все люди — даже самые нормальные — способны видеть сны. С вопросом о бессознательности скрытых мыслей и об отношении их к сознанию и к оттеснению связаны другие важные для психологии вопросы; но решение последних должно быть отложено до того времени, когда удастся путем анализа выяснить происхождение других созданий больной психики, именно: истерических симптомов и навязчивых идей.

К-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“

Н. А. СТОЛЛЯР

Москва, Сивцев-Вражек, 40, кв. 1. **Телефон 1-37-36.**

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ“.

Кн. I. Д-р **Рабов.** Карманная рецептура и фармакопея, пособие при прописывании лекарственных веществ, для врачей и студентов, под редакцией Н. Кальнинга, с предисловием профессора Н. Голубова, 10-е издание. Цена 1 руб.

Д-р **Л. Василевский.** Гигиена труда подростка. Ц. 1 руб.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение.

1. Влияние раннего труда на телесное и нервно-психическое здоровье подростка.
2. Применение детского труда.
3. Нормальные условия детского труда.
4. Законодательная охрана детского труда.
5. Психотехника. Выбор профессии. Научная организация труда.

Душа и тело ребенка.

Серия брошюр по вопросам развития, гигиены и воспитания ребенка в здоровом и болезненном состоянии, под редакцией проф. Г. И. Россолимо.

В. I. Проф. **Штрюмпель.** Нервность и воспитание. Цена 30 коп.

В. II. Проф. **Цийэн.** Дети-психопаты и общественное попечение о них. Цена 30 коп.

В. III. Проф. **Реваш.** Раннее проявление одаренности и ее узнавание.

В. IV. Д-р **Присман.** Дети и кинематограф.

К-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“

Н. А. СТОЛЛЯР. МОСКВА.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА „СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ“.

Проф. Мюнстерберг. Психология и экономическая жизнь.

Содержание:

1. Прикладная психология. 2. Требование практической жизни. 3. Психология и экономическая жизнь. 4. Два рода применения 5. Средства и цели. 6. Разделение прикладной психологии.

Выбор подходящих людей.

7. Хозяйственная профессия и соответствие ей. Научная помощь при выборе профессии. 9. Научное руководство предприятиями. 10. Экспериментальные методы. 11. Опыты с вагоновожатыми электрических трамваев. 12. Опыты в интересах мореплавания. 13. Опыты с телефонистками. 14. Пробные испытания. 15. Материал из промышленных трудов. 16. Групповая психология.

Достижение наивысшей производительности труда.

17. Упражнение и обучение. 18. Приспособление техники к психическим условиям. 19. Экономия движения. 20. Проблема монотонности. 21. Расстройства внимания. 22. Утомление. 23. Физические и социальные влияния на производительность труда.

Достижение желаемых психических эффектов.

24. Удовлетворение экономических потребностей. 25. Опыты над действием реклам. 26. Приемы заручения клиентов. 27. Эксперименты по вопросу о недозволенных подражаниях. 28. Покупка и продажа. 29. Грядущее развитие хозяйственной психологии.

2-е издание. Цена 1 руб.

Проф. Фрейд. Психопатология обыденной жизни.

Содержание:

I. Забывание собственных имен. II. Забывание иностранных слов. III. Забывание имен и словосочетаний. IV. О воспоминаниях детства и воспоминаниях, служащих прикрытием. V. Обмолвки. VI. Очитки и описки. VII. Забывание впечатлений намерений. VIII. Действия, совершаемые по ошибке. IX. Симптоматические и случайные действия. X. Ошибки. XI. Комбинированные дефектные действия, XII. Детерминизм.—Вера в случайности и суеверие.—Общие замечания.

3-е издание. Цена 1 руб.

К-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Н. А. СТОЛЛЯР.

Отдел изящной литературы.

Уильям Локк. Собр. соч.

Кн. I. Девушка с востока. Роман.

Кн. II. От грезы к жизни. Роман.

Кн. III. Любовь побеждает. Роман.

Поль и Виктор Маргерит. Собр. соч. при уч. И. С. Когана и Т. Щепкиной-Куперник.

Кн. I. Жизнь открывается.

Кн. II. Проститутка. Роман.

Кн. III. Голос крови. Роман.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ.

Сквозь слезы. Рассказы.

Под редакцией и с вступительной статьей Андрея Соболя.

Печатается.

К-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Н. А. СТО́ЛЛЯР. МОСКВА.

СОЛОМОН РЕЙНАК.

АПОЛЛОН

Всеобщая история пластических искусств

С 650 рисунками в тексте.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Происхождение искусства.
2. Искусство каменного и бронзового века.
3. Египет, Халдея, Персия.
4. Троя, Крит, Микены.
5. Греческое искусство до Фидия.
6. Фидий и Парфенон.
7. Пракситель, Скопас, Лисипп.
8. Греческое искусство в эпоху после Александра.
9. Прикладные искусства в Греции.
10. Этрусское и Римское искусство.
11. Христианское искусство на Западе и на Востоке.
12. Архитектура романская и готическая.
13. Романская и готическая скульптура.
14. Архитектура Возрождения и нового времени.
15. Сионский и Флорентийский Ренессанс.
16. Венецианская живопись.
17. Леонардо да-Винчи и Рафаэль.
18. Микель-Анджело и Корреджо.
19. Фламандский и французский Ренессанс.
20. Ренессанс в Германии.
21. Упадок итальянского искусства и испанская школа.
22. Голландское и фламандское искусство XVII в.
23. Французское искусство XVII века.
24. Французское искусство XVIII века и английская школа.
25. Искусство XIX века.
26. Очерк истории искусства в России.

ЦЕНА
50 коп.

АДРЕС К-ВА
Сивцев - Вражек 40.
Телеф. 1-37-36.
лично от 4 — 6 ч.